Кира Малинина

Синдром:осень.

“ All life – to know each other –
Whom we can never learn…” [1]
Эмили Дикинсон.

Сцена 1.

Пустой концертный зал, только что закончилась репетиция. На сцене и в зале люди, обсуждая что-то, стоят по группам. Только он сидит отдельно. Слышится смех. Она разговаривая, часто оглядывается в его сторону и, убедившись, что он все еще смотрит, продолжает говорить. Все постепенно расходятся, прощаются. Он все еще сидит. Она подходит к нему.

Она *(раздраженно, еле сдерживаясь).* Зачем ты на меня смотрел?

Он смотрит вопросительно, не понимая.

Что ты так смотрел?
Он. …все нас вас смотрели…
Она. Все смотрели, а ты пялился! Ты же прямо в глаза смотрел, понимаешь? Если бы на ноги, на фигуру или еще там на что-нибудь. Ты же в глаза! Кто тебе позволил смотреть мне в глаза?
Он. …думал, что для этого не нужно…
Она. А я говорю, что нужно! Зачем? Зачем, я спрашиваю? Мне так спокойно было…
Он. …простите, если я вас обидел,… я действительно не хотел…
Она. Чего ты не хотел? Что за бред? Зачем? Зачем?
Он. … мне это всегда нравилось: заглядывать людям в глаза…
Она *(немного остыв).* Ну, хорошо, заглядывай кому угодно в глаза, а мне-то зачем? Ты заглянул и больше никогда не появишься в моей жизни, а я? Обо мне ты подумал?
Он *(недоумевая).* ...простите, я не понимаю, что случилось, что вы от меня хотите..
Она. Пойдем.

Берет за руку. Уходят.

Она. Я не знаю, кто ты. Но я тебя увидела. Ты, наверное, заметил, что вокруг меня всегда много знаменитостей. Я почти никогда не бываю одна... в этом смысле. Поэтому мы пойдем дворами, чтобы не скомпрометировать…*(задумалась).* Ты согласен?

Он *(отвлеченно).* …я не против…

Она. Видеть меня каждый день ты не сможешь, если только… нет, этот вариант отпадает. Будем с тобой ходит дворами, а гулять только по крышам. Ты не боишься?

Он *(удивленно).* …чего?

Она. Всего! Крыш, дворов, ночи, меня? Хотя… это не важно. Я ведь не боюсь. А встречаться мы всегда будем… Стой! Вот здесь, у этой лавочки. Время я сама буду назначать. Будь завтра здесь часиков в 8 вечера. Понял? Всё. Goodbye!

Уходит, не дождавшись ответа.

Он *(невнятно, с удивлением)….*до свидания…

Сцена 2.

По узкой аллее идет человек. Расстегнутое темное пальто, шарф глубоко-синего цвета. Говорит что-то несвязное, далее становиться возможным различить некоторые слова, потом фразы. Весь текст.

Он. … , который играет на флейте. Нет, не слепой музыкант. Он не слепой, просто не видит и тем более не музыкант, он просто играет на флейте. Он жил в серо-коричневом от дождей городе, который собирал слёзы в каналы и реки, растворял призраки истории в каменном мясе домов и мостов. Единственный мог он смотреть в никуда…никуда…никуда…

Прислушивается.

Эхо такое же далекое и пустое. Свободный взгляд скользил то вдоль кожи рек, то вдоль пафоса памятников. Невозможно было его остановить, хоть чем-то привлечь…

Но случилось так, что появилась где-то в дождливом времени дней флейта с тонким голосом и металлическим телом. Ее нервно-высокий мотив притягивал невозможностью повторения. И его взгляд привязался к ней спокойно и верно. Как только он начинал играть, зрачки его двигались вместе с мелодией, в точности повторяя ее.

Когда же пришло время уходить ему в страну розовых туманов со вкусом сладкой крови летнего вечера, он не смог с ней расстаться. Но в той стране не было места флейте. Он умолял бога не разделять… Пошел синий дождь. Синие струйки текли по его лицу, оставляя глубокие следы,

попадали в глаза. А когда глаза его наполнились одним только синим цветом, он перестал ими петь…

Идет молча.

Теперь он играет лишь по привычке, не потому что любит. Ему больше ничего не осталось… Первая жизнь ушла.

Сцена 3.

Она. Привет. Долго ждешь?

Он *(буднично).* …не очень… здравствуйте…

Она. А что это ты ко мне на вы?

Он *(растерявшись).* …мы еще не знакомы… как бы… не зн…

Она *(перебивая).* Неужели тебе обязательно знать моё имя, чтобы говорить «ты»? Ну какая тебе разница? Я все равно совру и скажу, что меня зовут как-нибудь*(задумалась)*… ну, Катя, например, или Юля. Называй меня как хочешь, если тебе это так необходимо! Но только называй меня тогда каждый раз по-разному. Разными именами: Машами, Людами, Сашами, Танями, Виками… *(смеется.)*

Он. … я буду называть тебя просто «Ты»…

Она. Согласись, это ведь не главное! Ты – имя, значит, мы с тобой тезки.

Он. …куда пойдем…

Она. Пока прямо, потом увидим.

Он. … я знаю тут недалеко есть милое кафе…

Она. Нет. Не хочу сидеть в этих кафе с душными лампами. Там людей много бывает. Ты забыл, где другие, вдвоем нам не место? Я это вполне серьезно говорила. Будем сидеть на лавочке.

Он *(себе).* … скоро станет совсем холодно…*(ей)* может, не стоит…

Она. Я хочу замерзнуть. Хочу сидеть, сжавшись, и дуть на руки. А потом хочу, чтобы ты их согрел вот так вот *(показывает.)*

Он *(словно очнувшись).* Кто ты?

Она. Кто и ты.

Он. Я?

Пауза.

Он. Зачем я тебе?

Она. Спроси это у себя.

Пауза.

Только это не ты мне нужен, а я тебе. Признайся же себе, что я говорю твоими мыслями.

Пауза.

На самом деле мне очень удивительно, что ты вообще пришел.

Он. Хотел тебя увидел…и…

Она. Больше ничего не говори. На сегодня хватит слов. Словам не верю. Держи *(протягивает ему руки.)*

Стоят друг против друга, смотрят в глаза. Начинают улыбаться, а потом вместе смеются. Минуты через 1,5 затемнение.

Сцена 4.

Он. Я был там. Я есть там. Это город в стиле jazz… Почему именно так, я не знаю. Это странное ощущение интеллектуальной чувствительности. Не могу однозначно определить то, что не вижу…Тот вечер задержался на целую жизнь. Вторую жизнь идет летний дождь с осенним настроением. Это там, где сине-серые камни выдерживают время, а с самой большой площади взлетает огромный белый шар, а закат красным шарфом ложится на плечи забытого вождя; где в центре города живут белки, а в открытые окна номеров гостиницы влетают летучие мыши. Там любишь. Всех и навсегда.

Тогда я впервые встретил ее, в тот самый вечер.

В гостинице не было свободных одноместных номеров. Пошел в двуместный с подселением. Не очень, конечно, приятно делить номер с незнакомым человеком, кто бы он ни был. Но я решил, что это меня не должно сильно беспокоить, так как большую часть суток в номере меня не будет. Заранее разделил вещи на ценные и не очень. Самое нужное – с собой, остальное не жалко. Вечером появилось и «подселение»… С огромный чемоданом в комнату буквально ввалилась девушка, немного растрепанная, прямо с поезда. Я ушел. Подумал, что буду мешать ей располагаться. Тем более после дороги, наверное, ей совсем не хотелось, чтобы ее доставали стандартно-необходимо-банальными вопросами.

Уже стемнело, а на улице по прежнему много людей. Гуляют, пьют пиво и кофе, встречают рассвет. И как будто ты всех их знаешь, они твои друзья. Никто не желает тебе зла, не оглядывается… Не надо опасаться, видеть в прохожих потенциальных маньяков, всякий раз ускорять шаг, уходя от надвигающейся толпы…

Я пою:«We’re jamming… And I hope you like jamming too»

** Где-то… как будто издалека звучит эта песня (но в исполнении 5’nizza.)*

Странно, но если бы мне сказали, что я буду часа в 3 ночи стоять на улице и разговаривать с ментами о мировых проблемах и просто за жизнь, я бы рассмеялся. Но здесь случаются подобные чудеса. 60-е вернулись в отдельно взятый город или они только-только дошли сюда? А может, все дружно накурились и мир преобразился? Не понимаю, что творится вокруг, что творится внутри… Нет, я не курил, я не пьян… просто I wanna jamming with you. Сладко от теплоты летнего воздуха. Пьянею от ночи…«Bop-chu-wa-wa-wa»*(подпевая, пританцовывая под музыку)…*

В гостиницу вернулся рано утром. Спать не хотелось. Она спала. Ничего в номере не изменилось, только в шкафу появились ее вещи. На столе лежала записка… мне.

Здравствуйте. Я приехала из…

…понятно…

Приехала не надолго, всего 3 дня. Если Вы не возражаете, купаться я буду в 9 утра и в 11 вечера.

Да, пожалуйста.

В остальное время ванная в вашем распоряжении. Спать я ложусь около 12, но могу раньше, если вам будет мешать свет. Спокойной ночи.

Хорошо.

Я лег спать и пролежал до обеда. Вечером, не заходя в номер, я ушел гулять, потому что не привык рано ложиться, а соседку не хотелось беспокоить. Дошел до «Жили-были». Было еще открыто, и я решил попить кофе.

** По радио начинает играть Bill Evans “What Are You Doing the Rest of Your Life?”*

Сел за столик напротив и смотрел в ее сторону, почти не отрываясь, пока она не ушла. Сам не знаю, зачем… вроде бы и не хотел. Не мог оторваться. Я ее, наверное, испугал таким пристальным взглядом. Было стыдно возвращаться в гостиницу. Еще одна бессонно-счастливая ночь на улице. Теперь уже без ментов, но с салом и горилкой… решил вкусить национального колорита вместе с шумной компанией каких-то жутко веселых людей.

…в номере мы не разговаривали, потому что я приходил, когда она уже спала, а она уходила, пока я еще спал. Да и о чем бы мы говорили? О погоде, о работе, о политике? В этом не было смысла, об этом мы могли поговорить с кем угодно из сотен знакомых… Я представляю этот возможно-невозможный разговор…*(посмеивается, кривляется, утрирует.)*

- а где вы работаете?
- там-то и там-то…

- да, время сейчас тяжелое, на одной работе не удержишься…
- да, приходиться подрабатывать..

…ну и дальше по тексту, в итоге все свелось бы к банальной народной глупости, что управляют нами жадные сволочи и что жить тяжело… особенно сейчас.

Нет. Такого быть не могло, потому что не могло быть! Мы не могли говорить о такой пошлости. И, может быть, боясь сказать что-то подобное, молчали.

Это было со мной впервые. Я не чувствовал необходимость говорить ей что-то, что-то спрашивать. Я все знал и так, знал главное, все увидел, понял в один вечер…

…я сидел все в том же «Жили-были».Она подошла и села за мой столик, не сказав ни слова.

Молчание. Смотрят друг на друга.

Не знаю сколько мы так просидели. Было совсем поздно, я брел по площади и плакал…

Потому что знал, что все, что я произнесу окажется ложью. Что у каждого из нас своя жизнь, свой круг знакомых, свои интересы, проблемы, работа и никто не согласиться пожертвовать всем этим. Все бесполезно. Мы разные люди. Единственное, что нас объединяет – этот город. Мы уедем отсюда и, погрузившись в мир будней, забудем то, что мешает быть прежними. Так должно быть, так надо, таковы правила выживания… Не мне их рушить…Я плакал от своего бессилия, беспомощности…

Утро повторилось. Я помнил, завтра рано она уезжает. А я до сих пор не смог сказать ей ничего, я не знал ее имени, она не знала моего…

В последний вечер в номере ее ждали цветы, а на улице - я. Она подошла ко мне и сказала: «Давай, не будем говорить». Я молча кивнул головой. Мы молчали… все это время, но мне казалось, что больше чем с ней я не был откровенен ни с кем.

Утром она даже не разбудила меня, когда выезжала. А я проснулся в пустом номере от холода. Окна были распахнуты, дул осенний ветер. Она забрала лето с собой…

Весь день я не вставал с постели, просто лежал и смотрел в потолок. Не мог встать, было тяжело… от мыслей или от осознания своей слабости… не знаю. Она звонила несколько раз в номер и бросала трубку. А что мы могли сказать друг другу?…

Сумерки. Мелкий дождь. Бегом до «Жили-были», сталкиваясь с промокшими прохожими. Одинокий столик, все тот же.... Обратно до гостиницы я шел медленно, впитывая осенние капли и джазовое настроение города. Зашел в номер и, не включая свет, сел в углу напротив окна, где виднелась какая-то вышка в неоновых огнях. Дождь был рядом, ветер доносил капли до ее кровати. Мне показалось, что она вернулась. Что она сидит на своей кровати и, не отрываясь, смотрит мне в глаза. Холодные капли пропадают в ее теплых волосах, а она, не замечая их, улыбается мне. Я подошел к кровати, но уже ничего не видел…

Падает на кровать. Хватает голову руками. Плачет. Потом съежившись лежит неподвижно и смотрит, как капли падают на него. Шепчет что-то невнятное. Все это время музыка не утихает.

Неподвижный и безнадежный взгляд…
Я узнал ее… поздно…это был последний день моей второй жизни.

Сцена 5.

Она *(крайне удивленно).* Ты здесь?

Он. Как видишь.

Она (*несколько агрессивно).* Почему ты не ушел? Ты должен был уйти.

Он. Мы договорились встретиться.

Она. Но я опоздала. Тебе не нужно было меня так долго ждать. Почему ты не ушел час назад? Я же могла не придти совсем. А ты бы так и мерз здесь?

Он. Я знал, что ты придешь. Ты не могла меня обмануть.

Она. Да что ты знаешь… «не могла»… Могла. *(спокойнее)* Не надо было.

Пауза.

Не надо мне так верить. Надо быть как все: ждать, что тебя обманут, бросят, предадут. Понимаешь, как все?

Он. Не понимаю.

Она. А вдруг это случиться, а ты не готов будешь? Представляешь, как больно переживать такое потрясение?

Он. Мне не важно, что будет потом. Я живу сейчас.

Она. Это твое дело, только никогда не жди меня больше 30 минут. Ты весь промок.

Он. Не страшно.

Она. Можешь заболеть из-за меня.

Он. Пусть, мне даже приятно заболеть из-за тебя.

Она. Тогда заболей, пожалуйста. Я буду за тобой ухаживать, разводить малиновое варенье в чае, одевать теплые носки и кормить с ложечки.

Он. А твоя работа, знаменитости?

Она. Ах, да. Я и забыла. Меня же убьют, если я не буду появляться там несколько дней. Нет, ты лучше не болей.

Он *(смеется).* Не буду.

Она. Пойдем к воде.

Он. Там очень холодно.

Она. Я отдам тебе свой шарф.

Он *(улыбается).* Пойдем.

Идут.

Она. Кстати, о знаменитостях. Я сегодня была на одной презентации по поводу открытия какой-то фирмы, но, в общем, мне это не важно. На меня весь вечер смотрел какой-то крайне солидный человек. А потом он подошел и сказал, что я потрясающе выгляжу. Мы вместе танцевали медленный танец и…

Он*(перебивая)*. Не продолжай.

Пауза.

К чему ты мне это рассказываешь?

Она. Чтобы ты не забывался. Что я не только твоя, что у меня есть и другая жизнь.

Он. Я все равно не понимаю… Почему бы тебе прямо не сказать, чтобы я ушел и больше никогда не появлялся?

Она. Я не хочу этого! Я хочу, чтобы ты всегда помнил, что я с тобой только на время наших встреч… и только. Чтобы ты не надеялся ни на что. Чтобы знал, что это когда-нибудь кончится.

Он. Ты хочешь казаться жестокой. У тебя это получается.

Она. Я не жестокая, я о тебе забочусь. Чтобы тебе потом больно не было, когда все закончится.

Он. Предоставь мне самому решать.

Она. Ты со мной не согласен?

Он. Пойми, что легче пережить осень один раз в год, чем постоянно жить в ней, постоянно сомневаться, быть неуверенным.

Она. Это необходимо. Мы не можем быть уверенными ни в чем. И тем более ни в ком.

Он. Да, но мы можем верить…

Она. Чтобы потом страдать?

Он *(очень спокойно).* А если не страдать, то как тогда жить по-твоему?

Она. Делать вид.

Он. Делать вид, что живешь?

Она. Делать вид, что страдаешь, чтобы не обидеть своим безразличием других людей.

Он. То есть, по-твоему, нельзя позволять себе по-настоящему любить, чтобы потом не страдать по-настоящему? Ты сама-то в это веришь?

Она. Да.

Он. Я не верю.

Она. Я тоже долго не могла поверить, но жизнь учит быть такой.

Он *(начиная нервничать).*Какая жизнь? Жизнь никого не учит! Она просто есть, а мы уже приписываем ей всякие действия и качества…тяжелая, учит, бьет, ломает… как мне надоело это слышать! Конечно, так проще: делать бредовые выводы и списывать все на жизнь.

Она. Это мое мнение.

Он *(крайне раздраженно)***.** Но это глупо!

Она. Я так не думаю.

Он. Тогда я ничего больше не скажу.

Она. Даже не скажешь «до свидания»?

Он *(отвернувшись).* Пока.

Она. Пока.

Она уходит, он остается один. Сидит у воды неподвижно. Не отрываясь, смотрит куда-то вперед. Затем достает из рюкзака блок-флейту и начинает играть что-то незнакомое, но очень красивое и лиричное. Свет постепенно гаснет. Из темноты еще некоторое время доносятся звуки флейты, но постепенно стихают.

Сцена 6.

Он. Если смерть и жизнь встречаются на одной дороге, то кому-то из них приходится уступить …

Сентябрь, пятница, бабье лето, вечер, по шоссе несется длинный картеж из пестрых свадебных машин, теряя по пути ленточки, шарики, куколок и прочую милую чепуху. Из окон то и дело высовываются веселые и уже подвыпившие лица гостей, родственников и даже водителей. Все проезжающие машины приветствуются невнятными, но очень радостными криками. В длинной пузатой белой волге – молодые. Впереди виднеется перекресток. В один момент его пересекают маршрутное такси и джип, но с разных сторон… Водитель такси не успевает затормозить, резко заворачивает, его заносит, в него со всей скорости врезается мотоцикл… Маршрутка и джип быстро исчезают. Все это происходит прямо перед свадебным картежом, но не задевая его. Водитель белой волги тоже испуганно проезжает мимо этого места, они видят человека в крови, лежащего на асфальте.

Жених. Вот уроды, понакупят прав, а потом людей гробят.

Она. Стойте.

Жених. Ты чё? Поехали.

Она. Остановите машину.

Жених. Дорогая успокойся, пройдет сейчас.

Она. О-С-Т-А-Н-О-В-И-Т-Е!

Жених. Там и без тебя разберутся.

Она. Он живой. Остановите или я выпрыгну!

Машина останавливается. Она бежит назад, к месту аварии, жених не спеша идет за ней.

Жених *(крича ей вслед).* Зачем тебе это? Не порть себе и мне настроение. У нас же сегодня свадьба.

Она не оборачивается. Добегает до места. Садиться рядом.

Она. Жив?

Он. Все болит. Наверное, переломы. Я не чувствую ног.

Она. Потерпи, сейчас будет скорая.

Отрывает кусок от своего платья, пытается хоть как-то остановить кровь.

Потерпи, не умирай. Все хорошо будет.

Он *(как бы любуясь ей, буднично).* Невеста… девушка в белом, не пачкай свой праздник моей кровью. Иди, твой муж тебя ждет.

Она. Ничего, подождет.

Жених *(стоя поодаль, куря).* Ну ты долго там еще? Нас ждут.

Он. Иди, не заставляй его ждать.

Она. Нет.

Она пытается что-то делать, перевязывать и т.д. Он смотрит на нее. И, немного улыбнувшись, закрывает глаза…

** Тихо звучит песня The Verve “When the drugs don’t work”.*

Она. Все хорошо будет. Еще всех нас переживешь. Потерпи, я уже слышу сигналы скорой.
Ты слышишь?

Нет ответа.

Ты слышишь?

Нет ответа Она внимательно смотрит на него.

(почти шепотом) Ты слышишь…

Начинается мелкий косой дождь, который постепенно усиливается. Она смотрит на Него, держа в руках куски испачканного в крови платья. Дождь разбивает ее прическу, на асфальт падают крохотные цветочки и блестящие веточки. Начинает течь тушь… она плачет, смотря вверх, туда, откуда падает дождь. Сумерки.

Через некоторое время подходит жених.

Жених *(крайне раздраженно).* Ты что сделала? Это платье бешенных бабок стоит. Дура, ты все испортила! Гости уже давно в ресторане, а я тут как полный идиот жду! И как мы теперь там появимся? Ты чем думала?
Она. Уходи.

Жених подходит и бьет ее по лицу.

Жених. Это тебе за платье.

Она тихо плачет, сидя в свадебном платье на мокром асфальте.

Жених. Пошли *(грубо дергает ее за руку).* Пошли, я говорю. Ты итак слишком много себе позволяешь. Пошли, я сказал!
Она. Уходи, я не пойду.
Жених. Дура, овца, прибежишь ведь. Сиди тут тогда и не появляйся сегодня в таком виде, поняла? Не пугай гостей своей заплаканной мордой! Ты ради какого-то урода испортила мне вечер. А пользы? Он все равно сдох! Зачем я только на тебе женился?! Знал бы, что ты сумасшедшая, не подошел бы даже!

Музыка заглушает его, он кричит, размахивает руками и т.д., но она неподвижна.
Уходит, продолжая говорить что-то, но уже не слышно.

Подъезжает скорая. Выбегают люди в белых халатах, начинается обычная процедура. Она встает и уходит. Шум и разговоры врачей остаются где-то позади.
Она идет по шоссе в разорванном, испачканном платье в ту сторону, где из просвета светло-серых (почти белых) туч виднеется багрово-сиреневый закат…
Так закончилась моя третья жизнь…

Музыка постепенно затихает.

Сцена 7.

Она. Привет.

Он. Привет.

Она. Ты все таки пришел…

Он. …

Она. Еще обижаешься?

Он. Я и тогда не обижался, просто не мог поверить.

Она. Прости.

Он. Ты ни в чем не виновата. Наши взгляды на жизнь не совпали, вот и все. Не на что обижаться. Я хотел тогда побыть один.

Она. Я рада, что ты не обижаешься.

Пауза.

Он. Ты сегодня такая красивая. Ты, конечно, всегда красивая, но сегодня…

Она. У тебя странный способ говорить комплименты.

Он. Я не говорю комплиментов, я констатирую факты.

Она. Но мне все равно приятно…Знаешь, мне кажется, что человек не может быть всегда красивым. Может быть милым, обаятельным, интересным, но не красивым.

Он. А как же определенные критерии красоты?*(лукаво улыбается.)*

Она. Фигня, не верь им! Какой-нибудь мудак придумал. Человек красив, потому что счастлив. По-другому не бывает. А если и бывает, то это что-то другое, но не красота… Даже урод может быть красавцем, а красавец настоящим уродом. Понимаешь?

Он *(продолжая улыбаться).* Начинаю. Продолжай.

Она. А я все сказала.

Он *(улыбается).* Ну, как всегда… сама придумала?

Она. Что значит придумала? Так оно и есть. Смотришь на меня как на маленькую дурочку.

Ты мне не веришь?

Он *(улыбается).* Ну, хорошо, пусть будет так.

Она. Вот ты лучше объясни мне, зачем ты сегодня оделся во все черное?

Он. Так получилось, я даже не задумывался.

Она. Ты не задумываешься, а кто-то думает, что случилось что-то.

Он. Да кому какое дело.

Она. Поверь, есть. И не просто какое…

Он. Так что мне теперь делать? Каждый раз подстраиваться под чье-то настроение?

Она. Нет, достаточно было бы надеть свой синий шарф…

Он. Ты себя имела ввиду?

Она. Прежде всего, но не только.

Он. Ты испугалась?

Она. Ты же знаешь, что я часто пугаюсь.

Он. Но все же хорошо! Я пришел, ты тоже. В чем же дело?

Она. В мелочах… Они все портят. Не может быть абсолютно все хорошо…*(задумалась.)*

Он. Все, забудь. Пойдем спрячемся, сегодня слишком ветрено… Холодно?

Она. Хорошо.

Пауза.

Мне всегда хорошо, когда холодно…это отрезвляет. Этот холод делает мои мысли похожими на осенний воздух. Ты не замечал, что воздух осенью особенный. Он как будто останавливается и начинает сам себя вдыхать. Чувствуешь? Ну, вдохни, попробуй его вкус.

Оба глубоко вдыхают.

Он. Вкус холода.

Она. Именно. Иногда кажется, что еще чуть-чуть и он разобьется, зазвенит маленькими кристаллами по асфальту. И листья начинают падать, потому что им не хватает воздуха…
Мне нравиться слушать, как в полном тишиной воздухе падают листья, как дождь шуршит ими…
Я могу об этом всю жизнь говорить…

Он. Я могу всю жизнь это слушать…

Затемнение.

Сцена 8.

Он. Люблю дождь. Дождь в пустом парке. Капли океана падающие с неба. В каждом из нас живет океан, мы все – океан. Мы плачем морем, наши слезы соленые. Мои глаза становятся чище, когда я плачу, во мне пробуждается океан. Я отпускаю свой океан. Океан…
Я уже третий день прихожу сюда и сижу на этой сцене под маленьким козырьком, смотрю на дождь впереди. И уже третий день она останавливается и подолгу смотрит на меня. Что ей нужно?

Она подходит и садится рядом. Молчат.

Он *(протягивает полупустую пачку сигарет).* Будешь?
Она. Не курю.
Он. Бросила?
Она. Нет, просто не курю.
Он *(указывает на зонтик).* Выкинь его.
Она. Я же помокну!
Он. Ты часто плачешь?
Она. Ну…а…как…
Он *(перебивая).* Да не стесняйся, говори, это вполне нормально.
Она. Да.
Он. Значит, тебе даже нужно промокнуть.
Она. Зачем? Какая здесь связь?
Он. Когда ты плачешь, твой океан мелеет, а дождь наполняет тебя океанской водой заново.
Она. Но дождь… он не соленый.
Он. Да, потому что с неба.
Она. Откуда тогда соль?
Он. Она в тебе.

Пауза.

Ну как, выкинешь его?
Она. На, выкинь сам, я не могу.

Выкидывает. Встают и идут.

Он. Теперь мы гуляли под дождем вместе пока мне не стало совсем плохо. Я слишком любил дождь и не мог от него прятаться под зонтом, не мог носить непромокаемые куртки. Мне нравилось, когда вся одежда наполняется холодным дыхание воды.

Пауза.

Меня положили в больницу. Она носила мне фотографии дождя, которые делала специально для меня. На одной была просто лужа, грязная придорожная лужа, куда падали совершенные и чистые капли… Она всегда лежала на столе, чтобы можно было в любой момент дотянуться рукой. Потому что с каждым днем мне становилось все хуже… Видимо, мои легкие переполнились океанской водой. Я ею захлебнулся. Последнее, что я видел - это ее фотография дождя. Четыре…

Затемнение.

Сцена 9.

Она подходит и садиться на скамейку молча.

Он. Ты вчера не пришла.
Она. Я не могла.
Он. Почему ты тогда не…*(обрывает фразу.)*
Она *(продолжая за него).* Не позвонила?
Он. Я забыл, что не имею права напоминать тебе о своем существовании… и что мы до сих пор не знакомы…
Она. Но мы знаем друг друга.
Он. Знакомые незнакомцы. Тебя это не раздражает?
Она. Меня все устраивает. А что конкретно должно меня раздражать?
Он. Неопределенность.
Она. Я свыклась с ней, впустила ее в свою жизнь. Ты же сам все видишь…зачем такие вопросы?
Он. Впервые я встречаю девушку, которая боится определенности.
Она. Да, возможно… возможно…
Он. А как же дом, который крепость, муж – стена, дети…*(усмехнулся)* – статуи?
Она. Я разучилась быть такой. Ничего не может быть определенного.
Он. Именно для этого тебе нужен я?
Она. Для чего?
Он. Для того, чтобы всегда помнить о том, что нет ничего определенного. Тебе надоедает жить правильно, однообразно, ты все время ищешь оригинальных развлечений. Я тоже одно из них?
Она. Ха, мне послышалось или это действительно какие-то претензии? Кто-то решил качать права? По-моему, мы сразу договорились о том, какие у нас могут быть отношения. В чем дело? Ты не был против. Планы изменились?

Он. Как ты можешь так жить?

Она. Могу. Это у меня получается прекрасно.

Он. Я не понимаю.

Она. Я просто устала от таких, как ты. Устала ждать.

Он *(едко).* Ну и сколько таких как я ты уже ждала?

Она. Никого… кроме тебя.

Он. Это что, бред уже пошел?

Она. Тебе еще не время это понять.

Он *(крайне язвительно).* Ну, конечно! Куда уж нам, валенкам, до великих и могучих мира сего!

Она. Успокойся, придет время…

Он *(нервно перебивая).* Нет, я отказываюсь это слушать!

Она. Это просто осень…

Он *(не понимая о чем речь).* При чем тут осень?

Она *(как считалку сначала).* Осень-осень, осень-осень – это такое странное – престранное время года…Его вообще не существует.

Он *(себе).* Бред…бред…

Она. Его вовсе нет. Есть лето, которое уходит в листья и зима…осени нет, потому что я не хочу.

Он *(словно очнувшись).* Ты ее так не любишь?

Она. Я не умею ее любить… Знаешь, чем ближе тебе человек, тем сильнее ты его обижаешь. И не потому что так хочешь, а потому что так получается. Ты знаешь точно, куда достаточно подуть, чтобы раздавить. И в любой опасный момент – нападаешь. Так же и с осенью.

Он *(крайне раздраженно).* Осень-то чем тебе помешала?

Она. Она отбирает тепло… А чтобы жить мне нужно тепло… Я замерзаю часто.

Он *(издевательски, немного с горечью).* Так вот зачем я тебе нужен! В качестве батареи или аккумулятора? А может быть я – канистра с бензином *(кривляется)*? Вам какой 92 или 95… газ? Дизельным топливом не брезгуете?

Она. Тебе сегодня очень хочется посмеяться надо мной? Смейся.

Он. Мне больше ничего не остается. Только объедки чужих жизней и собственный истерический смех…

Она. Зачем ты так?

Он. Ты же сама сказала – осень, это просто осень… Когда ты решила меня выкинуть? Когда потеплее станет или еще раньше?

Она. Хватит на меня наезжать. Ты хочешь, чтобы я тебя послала?

Он. А пошли. Посмотрим, что получиться.

Она. Ты думаешь мне сложно?

Он. Нет, нет, просто уверен, что нет! Даже наоборот, ты, должно быть, уже выработала прием посылания тех, кто исчерпал запасы тепла.

Она. Не беси меня, ведь пошлю.

Он. Давай, чего ждешь. Только я первый тебя пошлю.

Она. Да? Ну попробуй! Ты же слабак! Твое место – под каблуком, тряпка.

Он. Да пошла ты…

Она не дает ему договорить, пощечина. Резко начинается дождь, который перерастает в ливень. Пауза. Стоят близко неподвижно. Сначала злобно смотрят друг на друга, но постепенно успокаиваются. Отводят глаза. Она смотрит в пол, Он вверх.

Она *(поднимает глаза).* Прости меня.

Он продолжат смотреть вверх, видно, что он беззвучно плачет, капли или слезы…

Прости меня…

Она кладет ему голову на грудь,

Она. …стучит...

Он крепко прижимает ее к себе… Затемнение.

Сцена 10.

Он. Я люблю здесь гулять. Здесь всегда тихо и красиво, особенно осенью. Потому что листьев много, их здесь не убирают, не жгут…

Вдыхает всей грудью.

Пахнет осенью: сырой землей, прозрачными листьями и дождем. Осенью со мной всегда происходят какие-то странные вещи. То есть кому-то они могут показаться совсем обычными и даже не интересными, но на меня они сильно действуют. Лучше всего я помню позапрошлую осень. Я также, как сейчас гулял, наслаждался, вдыхал, а она куда-то торопливо шла. Она куда-то направлялась, это было понятно по ее походке, взгляду… Я не решился подойти. Она была в длинном белом пальто. До сих пор не могу понять, почему оно не пачкалось… оно всегда было белым, каким-то нереально белым. С того времени я часто встречал ее здесь. И каждый раз она

спешила. Однажды я даже немного за ней последил…но она все шла, шла, петляла дворами и улицами. У меня просто не хватило терпения весь день за ней ходить. Но на следующий день…

Он. Девушка, не подскажете какой сегодня курс доллара?

Она отвечает на ходу, ему приходиться идти за ней в том же темпе, что и она.

Она. Не знаю.
Он. Вы спешите куда-то?
Она. Нет, гуляю.
Он. Но вы так быстро идете…
Она. Я так привыкла, медленней не могу, бок начинает колоть.
Он. Я вас часто здесь вижу, вы живете неподалеку?
Она. Подалеку.
Он. Значит учитесь или работаете поблизости?
Она. Нет. Мне просто здесь нравиться.
Он. А можно мне с вами все-таки познакомиться?
Она. Нет, не сейчас.
Он. Вы сейчас заняты?
Она. В каком смысле?
Он. В смысле, у вас дела?
Она. Нет. Дело в том, что сейчас нам не надо знакомиться.
Он. Почему?
Она. Рано еще.
Он. Почему??!
Она. Я еще недостаточно красивая. У меня сначала должны волосы отрасти, хотя бы до плеч.
Он. А потом?
Она. А потом можно…
Он *(с недоумением ей в след).* А… понятно. Пока.
Она. Пока.
Он *(один).* Впервые встречаю такую странную девушку. И при чем тут волосы? Больная, наверное.

Мы почти что каждый день виделись, здоровались издали. Я часто наблюдал за ней, пытаясь понять… Естественно, что это мне наскучило. Я стал постепенно забывать про нее, а потом и зима пришла… Не до этого было. Ранней весной здесь слякоть, не погуляешь. Потом я уезжал по работе, потом отпуск. И только ранней осенью я вновь появился здесь. Я шел с другой девушкой, а на

встречу шла она все в том же белом пальто. Но только с длинными волосами. Я улыбнулся, хотел было поздороваться, но она сделала вид, что нас не заметила. Как всегда пролетела мимо, немного задев плечом мою спутницу. На следующий день я решил пройтись один… мало ли, может, она не поздоровалась из-за того, что я был не один. Прошлогодняя история всплыла в моей памяти, мне стало забавно. Неужели она меня приревновала? Да, конечно! Зачем же ей надо было задевать Настю, когда места, чтобы пройти было предостаточно. Точно, приревновала! Я ей нравлюсь? Ну, конечно, это очевидно! Я ей сразу понравился. И волосы она для того, чтобы мне понравиться, растила. Черт, это льстит…

Я шел и представлял, как подойду к ней и все скажу… Как покорю ее внезапной переменой…

Я уже издалека заприметил ее белое пальто и, чтобы ее не смущать так сразу, сделал вид, что смотрю не на нее. Вот сейчас она подойдет, я резко обернусь и скажу: «Постой, мне кое-что надо тебе сказать». Как здорово я все придумал, а главное неожиданно…

Когда она подошла на нужное для моего маневра расстояние, я резко повернулся… и взгляд мой застыл. Передо мной стояла она… в белом пальто, но волосы ее были коротко подстрижены, как у мальчишки. Я не смог ничего сказать. Она внимательно и немного с укором посмотрела на меня и пошла дальше. Теперь, когда я вижу в листве длинные рыжие волосы, я отношу их домой…

Вот и все: пять, пятая. Осталась только одна, последняя. Последний шанс…

Сцена 11.

Она. Я сегодня пришла в последний раз.

Он. Игра заканчивается, клоуны устали…

Она. Осень заканчивается.

Он *(устало).* Опять ты про осень…

Она. Я ухожу, так надо.

Он *(безразлично).* Ну что ж, уходи…

Она. И ты так просто отпустишь меня?

Он *(несколько обреченно).* А что мне еще делать? У меня нет на тебя никаких прав.

Она. Тебе все равно?

Он. Нет

Она. Почему тогда молчишь?

Он. Мне нечего сказать…

Пауза.

Она. Ну скажи мне что-нибудь.

Он. Что?

Она. Чтобы я не уходила…

Он *(внезапно).* Подожди, ты должна мне что-то сказать, что-то важное. Я помню.

Она. Это уже не важно…

Он. Все важно! Это ведь нас касается?

Она. Да… Но нас уже нет, есть ты и я…

Он *(нетерпеливо).* Все равно скажи, я прошу тебя.

Она. Я хотела сказать, что все бесполезно…

Он. Что, конкретно что?

Она. Все! Мы никогда не будем вместе… осенью. Осень – это время прощаться.

Он *(нервно).* Почему ты так уверена? А если я скажу, что на самом деле я не бедный преподаватель-аспирант, а сценарист и при чем довольно известный. Если я предложу тебе больше того, что у тебя есть сейчас? Больше чем может быть? Если скажу: не уходи…

Она. Я все это знаю. Я знаю о тебе все, что возможно знать…

Он. Почему же ты…Я не понимаю, почему? Почему ты мне ничего не сказала?

Она. А зачем? Это бесполезно. Мы все равно не будем вместе…поверь… осень, просто осень. Это решили за нас. Чтобы ты не делал, ты вернешься к этой точке осени.

Он. Я так не думаю. Это глупый фатализм.

Она. Тогда вспомни, что с тобой было. Сколько раз мы встречались до этого и каждый раз происходило то, что мешало нам. Иногда мы сами себе мешали… А ты меня снова и снова забывал.

Он. Но потом вспоминал, потом ведь вспоминал!!!

Она. Но было поздно. Ты вспоминал, когда изменить что-то было уже невозможно.

Он. Но теперь-то я тебя узнал. Что нам мешает?

Она. Осень. Она заканчивается, все опять измениться.

Он. Да что ты привязалась к осени? При чем тут осень?

Она. Осенью сознание засыпает и просыпается в другой форме. Осенью ты становишься другим. Внешне ты все тот же, и никто кроме тебя не может это заметить. Каждую осень ты меняешься, а потом забываешь свои осени. Они выпадают из твоей памяти…как листья. На месте старой осени вырастает новая, она стареет, уходит, появляется новая и так постоянно…

Он. Откуда ты меня так хорошо знаешь? Мы же виделись всего несколько раз…

Она. Нет, ты опять забыл? Мы виделись много раз. Каждую осень мы встречаемся, чтобы попрощаться.

Он. Зачем это нужно, если заранее известен финал?

Она. Мы все равно умрем, зачем тогда жить? Ты это хочешь сказать? Важен путь, как ты к этому придешь. Осенью мы ближе всего к смерти, поэтому все страхи, проблемы и болезни сильнее

проявляются осенью. Мы осенью ходим без кожи, только нервы, да еще и нервы. Каждую осень мы репетируем…

Он. Свою смерть?

Она. Да, и ничего не изменишь… Надеюсь, ты понимаешь меня.

Он. Да, к сожалению.

Она. Поэтому я ухожу, прощай.

Он. Без меня ты не сможешь жить.

Она. Мы встретимся с тобой следующей осенью.

Он. Я не позволю тебе жить без меня.

Она. Ты ничего не сделаешь, потому что знаешь, что это БЕСПОЛЕЗНО.

Он *(раздраженно).* Я не отпускаю тебя!!!

Она. Прощай…

Она уходит. Порывается пойти за ней.

Он. Стой, стой, не уходи… не надо.

Она не оборачивается. Он останавливается.

Прощай…

Он долго провожает ее взглядом.

Сцена 12.

Вечер того же дня. Плохо освещенная комната. Он сидит на полу и смотрит в одну точку. Окна распахнуты, ветер треплет занавеску, ощущение пустоты и холода. Слышно, как кто-то осторожно открывает дверь, заходит, раздевается, проходит коридор… и наконец она входит в комнату, включает свет. Становиться светло и уютно.

Она. Как здесь холодно.

Подходит к окну , не спеша закрывает. Начинает расставлять какие-то упавшие с подоконника предметы, доставать что-то из сумки, класть все на места…

Она. Ты нашел мою записку?

Пауза.

Он *(не смотря на нее).* Она вылетела… случайно.

Пауза.

Она . Тебе с работы звонили. Сказали, чтобы ты не беспокоился: больничный тебе продлили еще на пару дней, до конца осени. Так что… отдыхай пока… А! Еще врач звонил, я попросила, чтобы тебя оставили дома. Он только будет приходить и делать кое-какие уколы. Слышишь?
Он. Да.

Она оборачивается к нему.

Она. Замерзнешь, сядь на кровать или постели что-нибудь. Простудишься ведь, ну, вставай же.

Она подает ему руку, чтобы он встал. Пауза. Он очень внимательно смотрит на нее.

Он. Как ты меня терпишь? Я же псих, натуральный псих. Только вот в больницу пока не забирают *(с горечью усмехается.)*
Она. А я и не терплю, я люблю. Все скоро кончится, уже почти закончилось. Потерпи, через пару дней будет декабрь…
Он. Все закончилось, я это чувствую.
Она. Ну и хорошо. Теперь мне будет спокойнее.
Он. Почему же так происходит?
Она. Так надо. Ты сам это знаешь.
Он. Да, знаю.

Пауза.

Ты все видишь, понимаешь… Прости меня.
Она. Брось, ты не виноват.
Он. Прости.
Она. Я не бог, чтобы прощать. Помнишь ты мне как-то сказал, что любовь – это будни познания?

Внимательно смотрит на нее. Пауза.

Он. Люблю тебя...

Он берет ее за руку. Пауза.

Он. Что у нас сегодня на ужин?

Она. Твой любимый плов, шуба и еще… я испекла кое-что… к чаю.

Он. Эклеры!

Она. Как ты угадал?

Он. Это не сложно, нужно вспомнить, что я больше всего люблю из выпечки.

Она. Пойдем?

Он. Пойдем.

Они уходят, еще некоторое время слышны голоса, смех, звон посуды, постепенно все стихает…

.

Конец.

Сентябрь-октябрь 2003 года.

[1] – “Всю жизнь друг друга знать, не зная никогда». Можно вторую строчку перевести как: «… кого мы не сможем никогда понять» - это интереснее…

Постановка и любое иное использование пьесы невозможно без согласия автора.
По вопросам использования текста обращайтесь: malininakira@gmail.com